

Степаненко Сергей Григорьевич

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ НАД ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ И ИХ ПОСОБНИКАМИ КАК АКТ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОДАРСКИХ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ 1943-1974 ГГ.)

Статья посвящена проблеме реализации норм международного гуманитарного права в отношении военных преступников и их пособников в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период на примере судебных процессов, проведенных в г. Краснодаре. Основное внимание автор уделяет вопросам, возникающим при практическом применении норм гуманитарного права и методов привлечения к ответственности советским государством, а также роль и значение первого открытого судебного процесса над пособниками военных преступников.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2010/1/44.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5). С. 161-165. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2010/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(470.62)

Статья посвящена проблеме реализации норм международного гуманитарного права в отношении военных преступников и их пособников в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период на примере судебных процессов, проведенных в г. Краснодаре. Основное внимание автор уделяет вопросам, возникающим при практическом применении норм гуманитарного права и методов привлечения к ответственности советским государством, а также роль и значение первого открытого судебного процесса над пособниками военных преступников.

Ключевые слова и фразы: международное гуманитарное право; военные преступления; правоохранные органы; военный трибунал; внесудебная карательная практика; судебные процессы.

Сергей Григорьевич Степаненко

Кафедра политологии и права

Кубанский государственный технологический университет

stepik71@mail.ru

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ НАД ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ И ИХ ПОСОБНИКАМИ КАК АКТ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОДАРСКИХ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ 1943–1974 ГГ.)[©]

Международное сообщество вырабатывало основы правосудия за военные преступления коллективно и поэтапно. Российская империя, а в последующем и Советская республика, принимали активное участие в работе конференций по их созданию.

Необходимо обратить внимание на некоторые проблемы, возникающие в процессе реализации норм международного гуманитарного права, сохраняющие свою актуальность и в наше время. Во-первых, беспристрастность применения норм, предусматривающих ответственность лиц за военные преступления независимо от их принадлежности к лагерю победителей или побежденных в вооруженном конфликте. Во-вторых, разделение ответственности за совершение военных преступлений в следующих плоскостях: военнослужащий – государство и военнослужащий – международный военный суд, т.е. проблема возможности осуждения двумя различными правовыми системами (конфликт национального и международного права). В-третьих, проблема допустимости применения репрессалий против мирного населения во время вооруженного конфликта.

Не смотря на проблемы применения гуманитарных норм, уже само их наличие явилось огромным качественным «прорывом» в области международного права. Мысль, высказанная российским юристом Мартенсом (1845–1909): «В случае наличия пробелов в правовых актах должны действовать общие принципы международного права, законы человечности и требования общественного сознания» [11, с. 163] - оказалась настолько глубокой и емкой, что вошла в преамбулы Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг., а затем почти дословно воспроизведена в ст. 1 I Дополнительного протокола к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. [10, с. 25].

Положения Женевских конвенций 1929 г. устранили взаимность применения норм гуманитарного права: с этого момента государства-участники вооруженного конфликта обязаны были руководствоваться в своих действиях нормами гуманитарного права, вне зависимости от соблюдения этих норм противником. Законы и обычаи войны стали относиться не только к гражданам государств, ратифицировавших конвенции, но и к людям вообще, вне зависимости от их гражданства.

К началу Второй мировой войны международное право располагало кодексом поведения в вооруженных конфликтах, хотя никакой процедуры привлечения к ответственности его нарушителей еще не существовало.

Поскольку международные соглашения о законах и обычаях войны не содержали норм, на основании которых нацистских преступников можно было бы привлечь к ответственности, а отечественное законодательство к их деяниям было признано неприменимым, советское руководство и специалисты-правоведы ожидали установления соответствующих норм от специального международного трибунала [13, с. 143]. По мнению большинства советских ученых, зверства гитлеровцев не имели себе равных в истории войн. Их невозможно было приравнять к тем преступлениям, ответственность за которые предусматривалась национальными кодексами, даже при их формальном сходстве. Преступления, совершаемые оккупантами и их пособниками, по своему размаху и характеру превосходили составы преступлений, имеющиеся в уголовных кодексах республик и Союза ССР. Гитлеровские злодеяния носили характер организованной системы и рассматривались как «военный разбой политических бандитов». Суровое наказание за них военные преступники должны были понести по тягчайшим уголовным нормам [14, с. 47].

К сожалению, в ходе мероприятий по его организации Советское правительство, как и прежде, оставило без внимания вопросы, связанные с мерами наказания для основной массы военных преступников, поскольку возложило «всю ответственность за бесчеловечные и разбойничьи действия немецких войск на преступное гитлеровское правительство Германии» [1, с. 144, 162, 171, 200, 273, 313]. При этом руководство СССР рассматривало суровое наказание «главарей преступной гитлеровской клики – Гитлера, Геринга, Гесса, Геббельса, Гимmlера, Риббентропа, Розенберга» как «неотложный долг перед бесчисленными вдовами и сиротами, родными и близкими тех невинных людей, которые зверски замучены и убиты по указаниям названных преступников» [Там же, с. 314-319].

Система и основные принципы применения репрессивных мер, включавших ответственность военных преступников и их пособников, являлись неотъемлемой составной частью общего карательного механизма Советского государства. Применение наказания допускалось как по приговору суда, так и по постановлениям административных органов.

Если в отношении пособников гитлеровцев из числа местного населения и пленных красноармейцев, причастных к совершению злодеяний на оккупированной территории, обычные меры уголовной репрессии стали применяться уже в начальный период войны, как только они попадали в руки советского правосудия, то виновники военных преступлений из числа оккупантов начали привлекаться к ответственности лишь с середины 1943 г. Применение наказания к лицам, совершившим военные преступления, всеми без исключения карательными органами носило характер не только личной, но и общей превенции, цель которой была очевидна.

В Советском Союзе составы военных преступлений и наказания за них были определены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». Согласно ст. 1 были определены два признака субъекта этого военного преступления: 1) перечисление граждан держав, воюющих против СССР и 2) определение их как «фашистского злодея». В данном случае используется не правовая категория, а морально-оценочная. Соответственно, судебным органам предоставлялось право осуждать в соответствии с Указом за совершенное «зло».

По мнению специалистов, Указ от 19 апреля 1943 г., предусматривавший для военных преступников и их пособников такие меры наказания как смертная казнь через повешение и ссылка на каторжные работы, давал в руки советского правосудия самое действенное оружие борьбы с ними во время войны, а также их сурового наказания после ее окончания [2, с. 55].

Оценивая процедуру осуждения, можно заметить, что права подсудимых соблюдались в той мере, в какой это было характерно для всей правоприменительной практики советской судебной системы в целом, поскольку дела данной категории рассматривались и слушались военными трибуналами и по законам военного времени, т.е. в упрощенном порядке, по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения.

Надо признать, что на первом этапе Великой Отечественной войны уголовно-правовые формы борьбы с гитлеровскими военными преступниками не сложились, поскольку в качестве основной ставилась задача военного разгрома и полного уничтожения фашистских захватчиков, а также организация международного суда над высшим руководством нацистской Германии. Тем самым усложнилась работа по установлению и расследованию многих военных преступлений, были утрачены доказательства, необходимые для привлечения к ответственности виновных лиц. В результате, как показала практика, число осужденных фашистских военных преступников оказалось значительно меньшим, чем число привлеченных к ответственности за те же деяния советских граждан. Советские граждане, виновные в совершении злодеяний в отношении мирного населения и военнопленных на временно оккупированной территории СССР, подвергались уголовному преследованию, в основном как изменники Родины, на основании действовавшего законодательства об ответственности за государственные (контрреволюционные) преступления, а позже – по Указу от 19 апреля 1943 г. с применением самых суровых мер наказания.

Система органов, занимающихся расследованием дел в отношении лиц, привлекаемых к ответственности за военные преступления и измену Родине, отличалась многообразием и различной подведомственностью. Сюда входили органы контрразведки, госбезопасности, внутренних дел и военной прокуратуры. При разграничении сфер деятельности вышеуказанных органов необходимо различать: районы боевых действий и прифронтовую полосу, относившиеся к компетенции военных прокуратур и контрразведки; и прочие освобожденные от оккупантов территории, на которых действовали органы НКВД СССР и НКГБ СССР.

На первом этапе войны, когда гитлеровские военные преступники и их пособники из числа местного населения были вне досягаемости советской правоохранительной системы, распространение получила внесудебная карательная практика на основании решений административных органов. Одними из первых к мероприятиям по борьбе с военными преступлениями на оккупированной врагом территории приступили подразделения особого назначения органов внутренних дел и госбезопасности, деятельность которых уже рассматривалась отечественными исследователями [6, с. 227-228].

Единственной возможностью привлечения к ответственности являлись организация и проведение диверсионно-террористических актов, направленных на физическое уничтожение данных лиц. Так, приказом по краевому УНКВД от 29 сентября 1942 г. «Об организации разведывательной работы в тылу противника в районах деятельности 18-й и 56-й армий» были созданы оперативные группы.

Согласно разведсводкам Управления НКВД Краснодарского края с 30 августа 1942 г. по 20 января 1943 г. были установлены фамилии 827 предателей, пособников и шпионов оккупантов, из которых 34 человека были уничтожены [8, с. 664-719].

Помимо оперативных групп НКВД, преследованием лиц, активно сотрудничавших с оккупационными властями, занимались и войсковые десантные подразделения. При выполнении операций в тылу противника командир воинской части или соединения совместно с политическими органами и особыми отделами был обязан организовать выявление немецких ставленников и пособников для самой беспощадной расправы, в зависимости от обстановки как по суду, так и в его отсутствие. Поскольку время от момента обнаружения преступления до вынесения приговора должно было исчисляться часами, какие-либо «элементы либерализма» признавались недопустимыми.

Большое распространение получили казни виновников злодеяний совершавшиеся по «приговорам» многочисленных партизанских судов, которые действовали во вражеском тылу. Разумеется, подобные проявления ничего общего с судопроизводством и даже деятельностью внесудебных органов не имели. Тем не менее, партизаны не ограничивались простым уничтожением гитлеровцев и предателей, повинных в грабежах и истреблении мирных советских граждан и пленных красноармейцев.

Активную деятельность по борьбе с военными преступниками и их пособниками из числа участников антисоветских вооруженных формирований («РОА», казачьих частей, национальных легионов и т.д.) развернули органы контрразведки. За линией фронта агентура фиксировала факты совершенных злодеяний и устанавливала их виновников.

Значительный вклад в оперативную разработку (включая розыск и задержание) военных преступников и их пособников внесли подразделения внутренних войск (ВВ) НКВД СССР. В их компетенцию входило недопущение просачивания в тыл ставленников оккупантов и бывших военнослужащих РККА, служивших в армии противника, т.е. лиц, потенциально причастных к гитлеровским злодеяниям.

Начало судебному рассмотрению дел в чрезвычайном порядке в отношении военных преступников было положено Указом Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников» от 19 апреля 1943 г. Процессуальная часть Указа производство по делам виновников злодеяний как из числа советских, так и иностранных граждан, возлагала на специально учрежденные для этого военно-полевые суды (далее – ВПС), а также регламентировала их деятельность. Дела о пособничестве советских граждан оккупантам, равно как и другие дела изменнического характера, не связанные с участием в расправах и насилиях над пленными красноармейцами и гражданским населением, подлежали рассмотрению трибуналами в обычном порядке.

Образовывались ВПС при дивизиях и корпусах действующей армии. В их состав входили: председатель трибунала дивизии (председатель суда), начальник особого отдела НКВД СССР (отдела «Смерш» НКВД СССР) и заместитель командира по политчасти (члены суда), с обязательным участием в рассмотрении дела прокурора дивизии.

С освобождением районов Краснодарского края от немецко-фашистских оккупантов одной из важнейших задач, стоящих перед руководством края, являлось установление и привлечение к ответственности лиц, находившихся на службе у врага. Для выполнения этой задачи были привлечены все имеющиеся организационные и людские ресурсы.

Поскольку на территориях, освобожденных от врага, задачи партизанских отрядов были выполнены, на основании указаний крайкома ВКП(б) и УНКВД по Краснодарскому краю на данные формирования возлагались функции истребительных батальонов, оказывавших активное содействие органам внутренних дел и госбезопасности.

С 16 по 19 февраля 1943 г. в Краснодаре силами милиции и войск НКВД была проведена массовая проверка домовладений с целью выявления и изъятия «шпионов, диверсантов, легионеров, скрывающихся военнопленных, военнообязанных и других преступных контингентов», задержано 407 человек. За 26 дней работы Управления НКВД после изгнания оккупантов в Краснодаре арестовано 692 человека [9, с. 126, 209].

По результатам оперативно-следственной работы Управления НКГБ Краснодарского края за период с 12 февраля по 1 августа 1943 г. было арестовано 13 495 человек. Из них самую многочисленную группу – 4 233 человека – составляли полицейские, следователи и сотрудники репрессивных органов. Было арестовано также 89 бургомистров, 1 424 старосты, 636 руководящих работников и 1 170 служащих оккупационных учреждений, 179 «участников зверств оккупантов», 56 помещиков и фабрикантов «периода оккупации» и т.д. Следствие было завершено по 11 711 делам, по результатам следствия 2 344 арестованных освобождено [Там же, с. 420].

14–17 июля 1943 г. в Краснодаре состоялся первый открытый судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации. Проведению процесса предшествовала кропотливая работа Краснодарской краевой комиссии, направившей все документы в ЧГК СССР. Последняя представила материалы дела Прокурору Союза ССР «для расследования и привлечения виновных к уголовной ответственности».

По обвинению в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 «а» и 58-1 «б» Уголовного Кодекса РСФСР (измена Родине) суду были преданы: И. Кладов, И. Котомцев, М. Ластовина, Г. Мисан, Ю. Напцок, В. Павлов, И. Парамонов, Н. Пушкарев, И. Речкалов, В. Тищенко и Г. Тучков. На процессе выступили 22 свидетеля обвинения. В ходе судебного разбирательства было установлено деятельное участие вышеуказанных лиц в пытках, издевательствах, массовых расстрелах и истреблении путем удушения газами ни в чем неповинных советских граждан.

Дело рассматривалось Военным трибуналом Северо-Кавказского фронта в помещении кинотеатра «Великан». Краснодарский процесс имел значительный резонанс как в местной, так и в центральной печати.

Во-первых, он носил *открытый* характер. По словам английского политического обозревателя А. Верта, переданным 21 июля 1943 г. по Лондонскому радио, публичная казнь в Краснодаре имела глубокое психологическое значение. «Она явилась как бы сигналом приближающегося дня расплаты, суровым напоминанием тем русским в оккупированных районах, которые еще сотрудничают с гестапо. Казнь предателей явилась предвестником того, что ожидает их германских хозяев» [5, с. 299].

Во-вторых, на процессе были установлены и озвучены фамилии лиц, еще не привлеченных к ответственности за преступления. Конкретность в именах, в фактах была тогда чем-то неожиданным. Фашизм обычно связывали с именами главарей: Гитлера, Геринга, Геббельса, Гимmlера. Теперь указывались непосредственные исполнители и участники: командующий 17-й немецкой армией генерал-полковник Руофф, шеф краснодарского гестапо, полковник Кристман, его заместитель, капитан Раббе, офицеры Пашен, Винц, Ган, Сальге, Сарго, Босс, Мюнстер, Мейер Эрих, тюремные врачи гестапо Герц и Шустер, переводчики Эйкс Якоб и Шертерлан [7].

Тогда же, в 1943 г., трибунал Северо-Кавказского фронта вошел с представлением в Военный совет относительно публикации приговоров о расстреле наиболее «злостных» военных преступников, чтобы советские люди знали, что их страдания не останутся без отмщения, а виновные в неслыханных зверствах испытали на себе суровую меру «воздействия». Через Краснодарский крайком ВКП(б) трибуналом данные объявления направлялись в соответствующие райкомы партии. Последним предписывалось расклеивать их на видном месте, для всеобщего обозрения на 7–10 дней в тех населенных пунктах, в которых совершались военные преступления. При проведении политмассовой работы на местах, советские работники, лекторы, пропагандисты и специально выделенные наиболее опытные агитаторы были обязаны разъяснять колхозникам, рабочим и служащим смысл и содержание приговоров, вынесенных военным преступникам и их пособникам.

Учитывая одобрительные отзывы населения Краснодарского края, поступавшие с мест, трибуналом фронта было принято решение и впредь публиковать приговоры в отношении виновников злодеяний из числа гражданских лиц, не имевших родственников в Красной Армии. Сообщения о казнях военных преступников по приговорам трибуналов РККА, войск НКВД СССР, а также Военной Коллегии публиковались и в центральной печати, в том числе в послевоенные годы.

Представляется, что причины этого явления, составлявшего прямое нарушение действовавших законодательных норм, следует искать не только в особой тяжести деяний указанных лиц. Подобную практику трибуналов, очевидно, вызывали, прежде всего, интересы внешней и внутренней политики. После того, как 18 июля 1943 г. по приговору трибунала Северо-Кавказского фронта в Краснодаре были публично повешены 8 пособников гитлеровских военных преступников, в его адрес поступило огромное количество писем как от отдельных граждан, так и целых коллективов трудящихся, выражавших чувство глубокого удовлетворения справедливым решением суда. В письмах, поступавших от военнослужащих, высказывались не только солидарность с приговором, но и заверения в том, что они отдадут все силы на разгром врага.

За период с 12 февраля по 1 августа 1943 г. в Краснодарском крае было осуждено 6 680 человек. Из них к высшей мере наказания приговорены 972, в том числе к повешению – 19 [9, с. 420].

Следует отметить тесное сотрудничество органов следствия с краевой комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников. В письмах, адресованных краевой комиссии, следователи запрашивали информацию на лиц, дела которых находились в производстве, с целью установления их причастности к злодеяниям против мирного населения, а также расхищению и уничтожению материальных ресурсов края [3].

В конце 50 – начале 60-х годов XX века в Краснодаре вновь прошли судебные процессы над карателями, осуществлявшими массовые репрессии мирных жителей во время оккупации края. При отступлении немцев с Кавказа, везде, где останавливались каратели, оставляли они свой кровавый след: в Кропоткине, под Армавиром, Тихорецком, в Запорожье и Крыму. Через 15 лет после окончания войны предатели и палачи предстали перед военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа. К судебной ответственности были привлечены бывшие сотрудники ГФП-312 (Гехайме фельд полицай – тайная полевая полиция): Н. Оленченко, В. Зуб, В. Круглов, А. Василенко, А. Михельсон и В. Дубогрей. После разгрома фашистской Германии предатели вернулись в СССР и расселились по разным уголкам страны. Арестовали эту шестерку палачей в июле 1958 года.

Судебный процесс над пособниками фашистов, состоялся 5–7 марта 1959 года в здании клуба крайпромсовета (Красная, 79). 16–24 июля 1962 г. в Краснодаре в открытом судебном заседании были осуждены (шестеро – к смертной казни, трое – к 15 годам лишения свободы) каратели из Радомской команды СС. Один из них – И. Г. Ихно (Ивахненко) работал в Краснодаре лаборантом краевой больницы... [9, с. 419].

В конце 1962 – начале 1963 г. Управлением Комитета государственной безопасности по Краснодарскому краю в разных городах Советского Союза были арестованы еще девять человек. Дела по их обвинению рассматривались 22–24 октября 1963 г. в Краснодаре Военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа. За карательную деятельность и личное участие в массовом уничтожении мирного населения к ответственности были привлечены бывшие эсэсовцы зондеркоманды СС 10-А: А. К. Вейх, В. М. Скрипкин, М. Т. Еськов, А. У. Сухов, В. Д. Сургуладзе, Н. П. Жирухин, Е. А. Буглак, У. Т. Дзампаев и Н. С. Псарев.

Еще один судебный процесс, проходивший в Краснодаре с 1 по 8 июня 1965 г., стал известен как дело «вахманов». Перед судом военного трибунала Северо-Кавказского военного округа предстали шестеро подсудимых: Матвиенко, Беляков, Никифоров, Зайцев, Поденок, Тихновский. Все они прошли спецподготовку в учебном лагере, организованном фашистами в мае 1942 г. и включавшем два учебных батальона и унтер-офицерские курсы. Через этот «учебный» лагерь прошло более 4 тысяч человек. Подразделения «вахманов», или «травников», несли охрану «лагерей смерти» (Собибор, Хелмно, Майданек, Белжец, Трешлинка) и концлагерей (Аушвиц, Штуттхоф), а в апреле 1943 г. принимали участие в ликвидации Варшавского гетто. В конце 1944 г. часть подразделений «травников» волилась в 14-ю гренадерскую дивизию войск СС, другие продолжали оставаться в ведении РСХА вплоть до окончания войны. Так, например, известно, что в феврале 1945 г. одна из команд «травников» сжигала трупы жертв бомбардировки Дрездена [4, с. 264, 265].

Последний процесс состоялся в Краснодаре над Цинаридзе в 1974 г. После окончания войны он, сменив фамилию, обосновался в столице Канады, Монреале. Чтобы выманить этого бывшего батумского парикмахера, убийцу и садиста, чекистам пришлось провести сложную многоходовую операцию. На процессе в Краснодаре канадский консул хватался за сердце, узнав, какую гадюку они «пригрели на груди» [12].

Беспристрастный анализ всей судебной практики по делам этой категории позволяет считать, что в действительности перечисленные судебные процессы по своей значимости выходили далеко за рамки только правосудия и были призваны обеспечить выполнение задач политического, военного и экономического характера. В то же время значение краснодарского судебного процесса 1943 г. трудно переоценить: именно он был первым открытым процессом над пособниками немецко-фашистских оккупантов, являясь своеобразным предшественником Международного военного трибунала, вынесшего приговор фашизму в Нюрнберге.

Список литературы

1. **Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны:** в 3-х т. М., 1946-1947. Т. 1: 1946. 803 с.
2. **Глебов Б.** Военные преступники перед советским судом // Советское государство и право. 1946. № 3–4. С. 51–60.
3. **Государственный архив Краснодарского края** (ГА КК) Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 9. Л. 48, 49; Д. 27. Л. 8, 13, 16, 18.
4. **Дробязко С. И.** Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М.: Эксмо, 2004. 608 с.
5. **Епифанов А. Е.** К истории борьбы с гитлеровскими военными преступниками в боевых условиях и прифронтовой полосе (1941–1945 гг.) // Трагедия войны - трагедия плена: сборник материалов междунауч.-практ. конф., посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР. М., 1999. С. 227–228.
6. **Епифанов А. Е.** Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны: дис. ... д.ю.н. М., 2001. 448 с.
7. **Красная Звезда.** 1943. № 169 (5540). 15 июля.
8. **Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945:** рассекреченные документы // Хроника событий: в 3-х кн. / сост. А. М. Беляев, И. Ю. Бондарь; Упр. по делам архивов Краснодарского края; Упр. Федер. службы безопасности России по Краснодарскому краю; Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Изд. 2-е. Краснодар, 2000. Кн. 1. Хроника событий 1941-1942 гг. 816 с.
9. **Там же.** Краснодар, 2005. Кн. 2. Ч. 1. Хроника событий. 1943 год. 896 с.
10. **Права человека и вооруженные конфликты** / отв. ред. проф. В. А. Карташкин. М.: НОРМА, 2001. 384 с.
11. **Пустогаров В. В.** Федор Федорович Мартенс – юрист, дипломат. М.: Международные отношения, 1999. 290 с.
12. **Рунов В.** Неотвратимость // Труд. Кубань. 2004. 9 сентября.
13. **Трайнин И. П.** Гитлеровские захватчики должны быть наказаны за свои злодеяния // Вестник Академии наук СССР. 1942. № 11-12. С. 142–144.
14. **Трайнин И. П.** Ответственность гитлеровцев за злодеяния // Там же. 1943. № 1–2. С. 45–49.

THE TRIALS OF WAR CRIMINALS AND THEIR ACCOMPLICES AS THE ACT OF THE REALIZATION OF THE NORMS OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW (BASED ON THE MATERIALS OF THE TRIALS IN KRASNODAR IN THE 1943–1974S)

Serguey Grigoryevich Stepanenko
Department of Political Sciences and Law
Kuban State Technologic University
stepik71@mail.ru

The article is devoted to the problem of the realization of the norms of international humanitarian law as to war criminals and their accomplices during the Great Patriotic War and after it by the examples of the trials hold in Krasnodar. The author pays Special attention to the questions of the practical use of the norms of international humanitarian law and the methods of impleading by the Soviet State and to the role and meaning of the first open trial of the accomplices of war criminals.

Key words and phrases: international humanitarian law; war crimes; law machinery; military tribunal; extrajudicial sentencing practice; trials.